

НАШ КАЛЕНДАРЬ

АВТОБИОГРАФИЯ ИНОРОДЦА-КОМИ И. Я. К.¹

Среди ученых нашего края видное место занимает Иван Яковлевич Кривошеков, этнограф и экономист, археолог и историк, географ и картограф.

Наиболее объемными и цennыми его работами являются географическо-статистические словари Чердынского, Соликамского и Верхнотурского уездов. А всего им опубликовано около 25 научных работ.

В 1887 г. Иваном Яковлевичем была опубликована карта Пермской губернии. Карта демонстрировалась на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге и была удостоена бронзовой медали.

И. Я. Кривошеков принимал активное участие в революционных событиях 1905—1907 гг.

15 сентября 1916 г., 50 лет назад, И. Я. Кривошекова не стало. Он умер в Перми, работая над исследованием «Древние «Пермь, Югра, Печера» в их историческом прошлом».

В нашем городе много исторических мест, связанных с именем Ивана Яковлевича Кривошекова. Это — парк культуры и отдыха, лиственничная роща близ поселка Кордон, что в 5 километрах от Кудымкара, дом, в котором он жил (ул. Горького, 24).

После смерти Ивана Яковлевича остался громадный архив. Значительная часть этого архива находится в нашем музее.

В 1964—1965 гг. этот архив пополнился рядом интереснейших материалов, в том числе автобиографией Ивана Яковлевича, написанной им в 1911 году и публикуемой ниже. К сожалению, воспоминания, задуманные в широком плане, обрываются на гордах, предшествовавших отъятию воинской повинности.

Родился² я в инородческом селе, среди пермяков Соликамского уезда Пермской губернии. Отец мой, Яков Кириллович, и мать, Александра Егоровна, жили в то время в Кудымкаре и были крепостными графини

¹ Так называется автобиографическая статья Ивана Яковлевича Кривошекова. К публикации подготовил В. П. Светлаков.

² В 1854 г. 7 августа в 2 часа утра с минутами. Так значится в записи отца, регистрировавшего нас аккуратно. (Примечание И. Я. Кривошекова.)

И. Я. Кривошуков (стоит слева) с братом Дмитрием, женой Раисой Иосифовной и матерью Александрой Егоровной в 1896 г.

Натальи Павловны Строгановой. Отец служил помощником бухгалтера в вотчинном правлении графини и получал 120 рублей жалования в год. Кроме того, натурой отпускались мука, солод, толокно, свечи, сено и дрова. Кроме меня были в семье старший брат Николай и сестра Александра. Плодовитость матери была поразительна: нас было произведено на свет 21 человек, но большинство умерло в младенчестве.

Шестилетним мальчиком я был отдан для обучения грамоте старой

левице Параксовые Петровне Федосеевой, обучавшей детей церковному письму, преимущественно девочек. В 1864 году переведен отцом в мужское училище, содержавшееся в том же селе помещицей. С января 1866 года для получения дальнейшей грамоты был отправлен в село Усолье Соликамского уезда в училище с повышенной программой. Училище, как находившееся в большом промышленном пункте, где вываривалось соли-пермянки до 8—10 миллионов пудов, содержалось на соединенных средствах соляных промыслов: графини Н. П. Строгановой, барона Г. А. Строганова, князя С. М. Голицына, Всееволожских и Лазарева-армянина. Моими учителями в этом училище были тоже из бывших крепостных людей. Михаил Филиппович Аникин, впоследствии сдавший экзамен на священника. Это, кажется, первый случай в губернии перехода из учителей в священники. Аникин был типом старого учителя, порки розгами применялись им частенько. Читал историю и географию и, видимо, любил их, так как в своей личной библиотеке имел много книг по названным предметам. Второй учитель Николай Павлович Назукин был совершенной противоположностью Аникину. Молодой, увлекавшийся Боклем (Бокль Генри-Томас, англ. историк — Ред.), к порке не прибегал, но его боялись больше, таково было моральное воздействие его выговоров и внушений. Преподавал он русский язык, арифметику, геометрию и архитектурное черчение. Закон божий читал алкоголик протоиерей Никифор Говоров, большой охотник до наказаний, таскавший учащихся не только за волосы и уши, но даже за нос. Учащиеся, зная его замашки, обыкновенно прятали голову в парту, тогда наказание сводилось к битью линейкой по спине. Перед окончанием курса Говорова сменил священник Петр Замятин, не обладавший слабостями предшественника и не пропускавший классных занятий.

В Усолье я к учению относился поверхностно, любимыми предметами—историей, географией—занимался, получая отметки «пять». Закон божий, русский язык, арифметика меня не интересовали и потому отметки не доходили до 5, но не спускались и ниже 3. Кончив в 12 лет курс этой повышенной школы, я, благодаря имевшимся стипендиям у графини Строгановой, был отправлен в землемельческую школу в Москве, куда и был принят в сентябре 1868 года.

Москва для мальчика-инородца, говорившего на двух языках, родном пермяцком и русском, и ничего не видевшего в жизни, поразила

меня, и в особенности хранилища древностей, дворцы-терема, Грановитая палата и Оружейная. А маленький запас знаний истории позволял разбираться и углублять интерес к хранившимся вещественным памятникам старины. Румянцевский музей произвел меньшее впечатление, а остальных, существующих ныне, музеев тогда еще не было.

Будучи принят в приготовительный класс казенного специального заведения, я, имея хорошую подготовку, учился в приготовительном и следующих, носивших тогда кличку «специальных», очень хорошо. Но в последнем, выпускном, по слуху изгнания одного из однокурсников, принял участие в беспорядках, которые должны были выражать протест перед начальством школы и порицание ему за бесчеловечный поступок с однокурсником, едва сам не был исключен из училища, но гнев начальства выразился месячным заключением меня в карцер и аттестацией поведения баллом 3. Активные участники беспорядков в училище из остальных классов, кажется, в числе 12—20 человек были исключены из училища. Нам, 18—20-летним юношам, за произведенный беспорядок была дана кличка «Декабристов» по дню случившихся беспорядков на 1 декабря 1871 года. Читая тогда запрещенные издания Герцена и зная только по слухам о декабристах, мы с гордостью принимали эту кличку, поднимавшую нас в глазах остальных классов на недостижаемую для них высоту.

Годичный акт земледельческой школы 3 сентября 1872 года превратил меня в помощника ученого управителя. Такой титул значился в моем аттестате по окончании курса.

С 9 сентября по 21 находился в пути на родину. Будучи стипендиатом графини Строгановой и находясь от нее в полной зависимости, я был назначен практикантом по лесохозяйству в Пермском имении. Лесное хозяйство в имении Строгановых тогда находилось под управлением известного в Прикамье лесовода А. Е. Теплоухова.

В следующем 1873 году я с места первоначальной практики в Кувинском заводе, ныне закрытом, был переведен в Ильинский лесной округ, а через месяц в Добрянский завод, где жалование было увеличено до 20 рублей в месяц. Тогда громадное имение Строгановых для удобства по управлению делилось на округа, каждая такая единица имела своего управляющего и правление с громадным числом служащих, в особенности в горных заводах.

Имея самое смутное понятие о лесном хозяйстве, почерпнутом из учебника известного лесовода того времени Арнольда, я как агроном должен был употребить около 1,5 лет на то, чтобы разобраться, что такое лесное хозяйство в горных заводах, где его совсем было не видно. Громадные заготовки древесины для горючего и заводских сооружений, выразившиеся десятками тысяч кубов (куб. сажень, равнялась $9,71\text{ м}^3$ —Ред.), занимали лесоохранение, лесоустройство и всякие другие дела. Все внимание лесничего и его помощника, должность которого занимал я, сосредотачивалось на вырубке и доставке древесины на места потребления и учет ее в разных периодах, как-то: по заготовке, перевозке и превращению в уголь. Работа однообразная, не дающая широты кругозора лесного практиканта, в каком чине я тогда значился, хотя уже исполнял обязанности помощника лесничего. Для практического изучения кучного углежжения практиканты обязательно должны были выжечь кучу. Для изучения процесса этого вида работ было потрачено 20 суток беспрерывного нахождения при переуглаживании и работы управления огнем, а куча жглась без всяких чернорабочих с двумя молодыми писцами из заводской конторы. Конечно, о чистоте при подобной работе говорить не приходится. Даже было скорее желание подражать заядлым углежженцам, чтобы не быть заподозренным в уклонении от грязных работ и чтобы не получить прозвище лисаря-белоручки, как называли заводских служащих крестьяне.

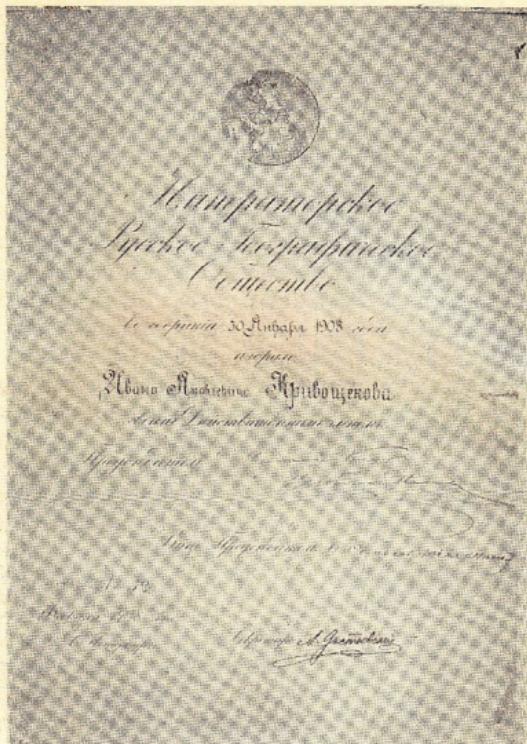
С отъездом лесничего для лечения временно пришлось быть исполняющим эту должность, а затем был командирован лесным смотрителем в Пермскую дачу, также составлявшую часть заводского округа. Здесь в первый раз за время практики пришлось искуситься в лесоохранении. Патриархальные взгляды допускали ловлю похищенной древесины не в лесу, а в селениях и потому лесная стража, видя штабель бревен 50—100 штук, считала это заслугой и по соображениям лесного усмотрителя оформляла дело или оставляла его без последствия. Лесные же смотрители даже не могли снисходить до таких мелочей и совсем не бывали по деревням, а принимали только то, что доносили им лесники. Не переваривая простоты бывшего смотрителя дачи к хищениям, я в течение месяца при объезде селений насчитал до 12—16 тысяч дерев, срубленных без разрешения и выполнения всякой формальности по завладению бревнами. Подавленный громадностью беспорядков и размера-

ми хищения по наивности своей полагал, что делаю честное дело, но в результате оказалось, что родство одного из заводских заправил с бывшим лесным усмотрителем явилось препятствием на пути моих деяний. Я был опять водворен в Добрянский завод практикантом.

Вскоре за переводом в новый округ даже не знаю, какая судьба постигла начатое мною дело, а по слухам было известно, что последствий в результате всего не было. Воспитанный в духе крепостного режима, то есть строгого повиновения старшим и властям, я в то время раскрытое мною дело громадных порубок леса на Косьве, прекращенное заводским начальством, считал делом начальства, полагая, что оно вправе поступать по своему усмотрению, таковы были дух и понятия всего персонала служащих у Строгановых. Как велики были полномочия строгановских управителей, мы, служащие, не интересовались и потому не судили с точки юридической об управительских делах. Общий взгляд на лесные богатства имения у строгановских управителей был не высокопробный. Каждый из управителей громадных округов имения имел столько же понятий о значении лесных богатств, как чиновники в уездных и губернских городах, а уровень развития их тогда рельефно выступал в печати под пером таких писателей, каким был Салтыков-Щедрин.

С переводом на практику в новый округ имения — Ильинский, где тогда сосредотачивалось главное управление имениями Строгановых, я столкнулся с новым лесничим, управлявшим округом и одновременно исполнявшим обязанности главного лесничего. Это был молодой специалист, кончивший курс двух академий: Тарантской в Саксонии и Петровско-Разумовской в России — Федор Александрович Теплоухов, сын главного лесничего у Строгановых Александра Ефимовича Теплоухова.

Личность его, как служащего, превалировала над всеми строгановскими управителями во главе с главным управляющим. Молодой, красивый, блестящий оратор, с громадной научной эрудицией, слегка сатирик в пределах умеренности и аккуратности, он затмнял всех служащих. Нам, лесным практикантом, было приятно служить с таким руководителем, и мы восторгались им. Кончивших же курс Московской землемерческой школы из лесных практикантов в имении нас было трое: я, брат главного лесничего А. А. Теплоухов и Ф. В. Гилев.

Свидетельство об избрании И. Я. Кривошекова членом
Русского географического общества.

Обаяние и влияние покойного Ф. А. Теплоухова и частью его отца
Александра Ефимовича сказалось на мне и отразились на всю последующую жизнь.

При наличии любознательности, я так велико ценил этих людей и
так дорожил знакомством с ними, что забывал себя и некоторые требо-

вания жизни. 20 рублей жалования, конечно, отражались в моем личном бюджете, а при службе по лесохозяйству, требующей большего гардероба одеяния, нежели у других служащих, имеющих дело с канцелярией, я не всегда мог даже иметь черный сюртук — этот парадный и официальный костюм для представления начальству и нанесения визитов по великоторжественным дням. Молодая психика моя мирилась с этим, зато было обращено внимание на практичность и удобство одежды для леса.